

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)+94(3)

**СОЛОВКИ В ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАМЯТИ
«СОШИНА А.А. НА СОЛОВКАХ ПРОТИВ ВОЛИ: СУДЬБЫ
И СРОКИ. 1923–1939. СОЛОВКИ; М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТСМ, 2014. – 232 С.: ИЛ.»¹**

М. В. Каиль

Смоленский государственный университет, кафедра истории России, г. Смоленск, Россия

В обзоре в широком историческом и культурном контексте анализируется мемориальное издание – сборник работ А.А. Сошиной. История Соловецкого лагеря особого назначения 1923-1939 гг. рассматривается в нем на фоне судеб различных категорий его узников. Анализируется фактор общественной памяти о репрессиях на Соловках и его влияние на изучение периода. Социальный и антропологический планы исследования Соловков представляются наиболее продуктивными.

Ключевые слова: история репрессий, Соловецкий лагерь особого назначения, историография, ГУЛАГ, Соловки, Спасо-Преображенский монастырь, А. А. Сошина.

¹ Рецензия подготовлена в рамках исследовательского проекта по Гранту Президента МК-7090.2015.6.

Соловецкий архипелаг – Соловки давно заняли особое место в отечественной истории, став одним из символов национальной идентичности. Культурный код Соловков нетипичен, многосоставен. Его формируют в равной степени одна из величайших православных обителей – Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь со своей многовековой историей и легендарный Соловецкий лагерь особого назначения / Соловецкая тюрьма особого назначения (СЛОН / СТОН, 1923–1939

гг.). Монастырь столетиями был форпостом православия на берегу Белого моря. Основанный в 1436 г. в землях Новгородской республики иноками Зосимой и Савватием (чьи честные мощи – святыни современного монастыря), он пережил расцвет в середине XVI в. в период настоятельства легендарного игумена Филиппа Колычева, ставшего Московским митрополитом. В XVII в. монастырь стал оплотом сопротивления Никонианской реформе и более семи лет был в осаде, но не принял насаждаемых силой нов-

шеств («мятежная» братия предпочла гибель). В XIX в. отразил нападение Британского флота.

С такой историей монастырь вошел в XX в., который событиями Октябрьского переворота, перевернул и историю Соловков. Весной 1920 г. на острова прибыли первые советские эмиссары. Монастырь был закрыт, но братия большею частью осталась в качестве сотрудников совхоза «Соловки». В 1923 г. весь комплекс перешёл в руки Управления Северных лагерей ГПУ. Начался самый драматичный период истории монастыря.

Этот относительно краткий в масштабах исторического времени отрезок 1923–1939 гг. и сделал Соловки поистине всемирно известными. Соловки стали одним из центров создания системы ГУЛАГа. А особенности лагеря, пребывание в нем политических заключенных, обращавшихся в середине 1920-х гг. на Запад, а затем и большого количества православных, в том числе представителей иерархии, сделали Соловки одним из объектов пристального мирового внимания и центром притяжения Русского Зарубежья.

Образ Соловков как места особой духовной силы, связанной с судьбами России и народа, формируется и сегодня литературой и кинематографом. В 2006 г. на экраны вышел фильм Павла Лунгина «Остров», съёмки которого происходили в Рабочеостровске близ Соловков, а сюжет фильма обращён к духовному собиранию человека. В 2014 г. литературной сенсацией стал новый роман Захара Прилепина «Обитель», ещё раз обративший внима-

ние общественности на «Соловецкий сюжет».

В этом широком культурном контексте, как представляется, и следует рассмотреть важное для истории Соловков издание – сборник статей известного Соловецкого историка Антонины Алексеевны Сошиной. Оно увидело свет как мемориальное вскоре после её кончины в 2013 г. и было подготовлено неравнодушным к Соловкам объединением – «Товариществом Северного Мореходства». Само издание сборника – дань многолетнему труду по изучению советского периода в истории Соловков А. А. Сошиной. Оно не содержит принципиально новых положений, глубоких теоретических построений, являясь републикацией ранее разрозненных в основном в Соловецких и Архангельских изданиях публикаций историка.

А. А. Сошина была инициатором многих исследовательских, выставочных, публикаторских начинаний. В любом из них она была не любителем, а выполняла свои работы как профессиональный историк, с опорой на источник. Она известна как организатор первой в ещё советской России 1989–1990 гг. музейной экспозиции Соловецкого музея-заповедника, посвящённой репрессиям и истории лагеря, создала картотеку узников-соловчан, выступала как исследователь, популяризатор научных знаний о репрессиях на Соловках, поисковик.

Мемориальное издание предвзвешивает ряд слов: к читателям обращается наместник монастыря архимандрит Порфирий (Шутов), докт. ист. наук. А. Степанов, заместитель директора Соловецкого музея-заповедника А. Мартынов. Все они

с теплотой вспоминают Антонину Алексеевну и высоко оценивают её труд.

Сборник предваряет вводная часть «Родина ГУЛАГа», раскрывающая историю появления на Соловках лагеря, представляющая судьбы его строителей, содержащая общие сведения и лагерную статистику.

Далее последовательно рассматривается положение на Соловках духовенства, молодёжи, учёных и творческой интеллигенции, военных, а также рассматривается история Музея Соловецкого общества краеведения, проблема побегов с Соловков. Отдельного внимания заслуживают собранные автором письма заключённых к Е. П. Пешковой, возглавлявшей общество помощи политзаключённым.

Первый тематический раздел книги посвящён положению на Соловках православного духовенства и иерархов. Автор отмечает, что в Соловках было заключено более 80 архиереев и около 400 священнослужителей. Соловецкая судьба некоторых из них исполнена трагизма, духовного величия, а иногда и подвига. Примером стойкости духа, чтимой на современных Соловках и во всей церкви можно считать судьбу архиепископа Воронежского Петра (Зверева). Он провёл на Соловках менее двух лет, был избран главой всего заключённого духовенства и с достоинством прошёл свой путь. Скончался архипастырь в феврале 1929 г. во время эпидемии тифа в Голгофо-Распятском скиту на Анзере, где был устроен изолятор.

Как справедливо отмечает автор, духовенству особенно тяжело

было наблюдать глумление над святым: алтари превращали в нужники и карцеры, иконы величественного Вознесенского скита на Секирной горе рубили на дрова, а иконостас пустили на резку шкатулок (лагерь содержался по принципу самокупности) (с. 22). Автор отдельно останавливается на судьбах архиепископа Илариона (Троицкого), епископа Максима (Жижиленко) (с. 23–26). Стремится к воссозданию обстоятельств жизни и служения православного духовенства на Соловках, реконструируя богослужебные практики по сохранившимся воспоминаниям (с. 28–30) и конечно упоминает о значении знаменитых «записки» и «послания Соловецких епископов» (с. 32–34).

Специальный раздел книги посвящён молодёжи в лагере. ВУЗы с неизбежно формируемыми в них кружками для большевистской власти представлялись центрами крамолы. По приводимой А. А. Сошиной статистике 1/6 часть заключённых Соловков были моложе 20 лет, почти половина – в возрасте от 20 до 30 лет (с. 36). Среди них были и очень именитые юноши. Так, в 1932 г. на Соловках оказался тогда 19-летний В. Ф. Хародчинский (племянник Ю. Мартова), сгинувший в лагерях. Ещё один известнейший узник Соловков, правда, с лучшей судьбой, Д. С. Лихачев, попавший на Соловки по так называемому делу «Космической академии». На Соловки молодёжь попадала группами. Так, в лагере оказались 12 поэтов и литераторов во главе с Ю. Казарновским. В 1936 г. на Соловки была сослана большая группа студентов Горьковского

пединститута (с. 42), в 1929 г. группа толстовцев, организовавших вегетарианский кружок (с. 43). Заточена на Соловках оказалась 19-летняя дочь С. Ю. Витте И. С. Витте-Сомова (с. 44). Немало юношей (среди них и 15–16-летние!) были заключены и сосланы на Соловки по обвинениям в заговорах в отношении советских вождей. Одним из таких юных узников Соловков с совершенно уникальной судьбой был Ю. И. Чирков, прошедший 19 лет лагерей, но не сломленный, получивший (между ссылками) блестящее образование, ставший доктором наук и профессором Тимирязевской академии (с. 50–51). Соловки будто притягивают уникальные судьбы. А может быть формируют их?...

Третий раздел – «репрессированная наука» – посвящён судьбам учёных, не менее 250 из которых прошли Соловки. Филологи и историки, химики, биологи и математики – каждого из них обвиняли в контрреволюционности, а иных и в шпионаже. Примечательна судьба Петроградского кружка «Воскресение» и его главы талантливого философа и культуролога А. А. Мейера, вместе с которым было осуждено около 30 человек, в том числе теоретик краеведения Н. П. Анциферов. Одним из крупнейших научных процессов было «дело Российской национальной партии» осени 1933 г., по которому было осуждено более 70 человек во главе с Н. Н. Дурново, сгинувшем в Сандармохе в 1937 г. Ещё более масштабным было дело «Украинского национального центра» во главе с академиком М. И. Яворским и М. С. Грушевским. Почти все осужденные по нему оказались на Со-

ловках, из них 134 человека расстреляны в 1937 г. в Сандармохе (с. 69). Слава же самого яркого и известного научного мужа – узника Соловков принадлежит П. В. Флоренскому (1882–1937). Как и большинство учёных по призванию он не только не оставил своих научных занятий в лагере, но и поддерживал, ободрял со-узников и своих домашних в преисполненных любовью и трогательной заботой письмах¹.

Не секрет, что все мыслящее население представляло для большевистского режима потенциальную опасность. В эту группу входила и творческая интеллигенция, представители которой в немалом числе оказались на Соловках. Интеллигенция и породила феноменальную для лагерных условий культурную жизнь, которой славились лагерные 1920-е гг.: театр, струнный оркестр, несколько певческих хоров, периодические издания – все это с одной стороны составляло действительную лагерную жизнь. С другой стороны, в руках лагерной администрации, стало мощным средством пропаганды достижений советской лагерной системы.

Немалый вклад в становление Соловецкого общества краеведения – ещё одной феноменальной для лагерных условий научно-просветительской организации – внес О. Э. Браз (1873–1936), как художник, оставивший зарисовки всех элементов архитектурного ансамбля монастыря (с. 75–76). На Соловках

¹ Флоренский П., свящ. Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем. 1933–1937 гг. СПб., 2004.

Florenskij P., svyashh, Vse dumy – o vas. Pis'ma sem'e iz lagerej i tyurem. 1933 – 1937 gg., SPb., 2004.

в то время оказались ученики И. Репина, талантливые литераторы Н. К. Литвин и Б. Н. Ширяев. Воспоминания последнего сформировали в западном мире наиболее яркий образ советских Соловков². На Соловках оказались профессиональные артисты, театральные деятели, в числе которых оказался, например, создатель украинского национального театра Л. С. Курбас, расстрелянный непосредственно в Соловецкой тюрьме (с. 92–93).

Революция стала временем трагедии русского офицерства. Любая связь с офицерством царской армии, родственная, профессиональная была достаточной для обвинения (по печально известной ст. 58 УК). Как и в иных местах заключения, режим заключения офицеров на Соловках был самым тяжёлым. Среди известных узников лагеря этой категории А. А. Сошина называет В. П. Дягилева (брата известного театрального деятеля), осужденного в 1927 г. и расстрелянного на Соловках в 1929 г. по известному делу «о кремлевском заговоре». Автор перечисляет десятки славных имён, приводит перечень более 150 офицеров, расстрелянных в Сандармохе и на Соловках осенью 1937 – в феврале 1938 г. Рассматривает влияние на лагерный «контингент» военных масштабных коллективных дел. В их числе она характеризует дело «Весна» 1930 / 31 гг., по которому были арестованы тысячи военных (с. 105). Представители всех родов войск, офицеры, как белых,

так и Красной армии – все они оказались в одном соловецком котле.

Отдельная глава издания посвящена уникальному явлению в истории С.Л.О.Н-а – Музею Соловецкого общества краеведения. Благодаря этой научной структуре, необходимость которой была признана и лагерным начальством, удалось сохранить жизнь и здоровье многим узникам Соловков. В их числе был и Д. С. Лихачев³. Инициатива создания на Соловках музея принадлежала известному архитектору-реставратору, сохранившему для современной России архитектурный облик многих городов, монастырских ансамблей – П. Д. Барановскому (с. 129). Ряд построек монастыря получили в 1923 г. охранный статус, с 1925 г. часть Большого Соловецкого острова стала заповедником. В Филипповой пустыни был основан Биосад, действующий и сегодня. Музей стал центром приложения сил интеллигенции, приобрел разветвленную структуру. Именно музей позволил сохранить многие монастырские храмы, в т.ч. сделать главный из них – Спасо-Преображенский – экспозиционной площадкой. Музей стал детищем Н. Н. Виноградова, руководившего им с 1927 г. В лагере Виноградов написал 4 тома научных работ, 30 статей, выпустил в свет 23 выпуска материалов Соловецкого общества краеведения! Активным работником музея и общества стал епископ

² Ширяев Д. Н. Неугасимая лампада: 8 изд. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2010.

Shiryayev D. N., *Neugasimaya lampada*, M., Izd. Sretenskogo monastyrya, 2010.

³ Воспоминания о работах в Соловецком лагере описаны в воспоминаниях академика – см.: Лихачев Д. С. Воспоминания. М., 2006.

Sm.: Likhachev D. S., *Vospominaniya*, M., 2006.

Мануил (Лемешевский) (с. 139–140). В начале 1930-х гг. общество краеведения было закрыто, музей, работавший до 1937 г., также был упразднен перед ликвидацией лагеря, но большинство собранных, описанных и изученных соловецкими заключёнными памятников было сохранено, вывезено на материк (с. 142).

Отзываясь на общественный интерес, А. А. Сошина изучила и вопрос о побегах из Соловецкого лагеря. Они обросли легендами и небывлицами⁴. В связи с ужесточением режима и изменением облика лагеря в 1930-е гг. побеги, особенно из «строительных» лагерей, обслуживающих создание Беломоро-Балтийского канала, стали массовыми и составляли до 10 % контингента. Побеги собственно с Соловков не были многочисленными. Географические условия требовали объединения усилий, поэтому большинство из них были массовыми. Лагерная статистика фиксировала в 1926 / 27 гг. побег 200 человек, из них только 12 бежали с островов, 188 из пересыльного пункта в Кеми. Из них задержано было 145 человек, побег 55 оказался удачным, при этом все 12 бежавших с Соловков оказались не пойманными. Бежали заключённые преимущественно с «командировок» (особых длительных этапов на самые тяжелые работы). Самый масштаб-

ный план массового побега не удался из-за доноительства, а раскрытие плана повлекло дело «о кремлёвском заговоре».

Ценными представляются опубликованные А. А. Сошиной документальные материалы. Так, в издании публикуется 28 обращений к обществу помощи политическим заключённым Е. П. Пешковой из фонда Госархива России. К главе общества (первой супруге М. Горького) обращались сами заключённые и члены их семей. Источники эти вносят много полезного в понимание настроений и чаяний как заключённых, так и их родных. Публикация, как представляется, открывает дорогу для изучения фонда этих материалов, хранящихся в ГАРФ и достойных всестороннего анализа и публикации.

Издание в качестве приложений дополняют ценная хронология его истории, сопровождаемая издателями интересным фотоиллюстративным рядом, сведениями о количестве заключённых Соловецкого лагеря и структуре лагерных подразделений (с. 183–202). Публикуется также и «реестр зданий Соловецкой тюрьмы» (с. 203–231), сопровождаемый схемами и несколькими фотографиями.

Издание оставляет впечатление полноты, компетентности и несёт читателям, в рядах которых можно представить и профессиональных историков и любителей советской истории, истории Соловков, немало ценных и объективных материалов по истории Соловецкого лагеря. Авторский подход отличает непредопределённость выводов (собственно теоретических заключений в издании нет), но попытка объектив-

⁴ Слухи и воспоминания о большинстве побегов собрал соловецкий узник Ю. И. Чирков: *Чирков Ю. И. А было все так... [О репрессиях 30-40-х гг.]* [Вступ. ст. А. Приставкина]. М., 1991.

Chirkov Yu. I., *A bylo vse tak... [O repressiyakh 30-40-kh gg.]*, Vstup. st. A. Pristavkina, M., 1991.

ного взгляда на различные стороны жизни, а посвящена собственно лагерной жизни. Она не поддерживает представление об ужасах Солловков, тотальной тьме лагерной жизни. Жизни людей, разделивших всю тяжесть судьбы своего Отечества, мытарства жестокого XX в.

**SOLOVKI IN THE HISTORY AND PUBLIC MEMORY SOSHINA
A.A. ON the SOLOVKI AGAINST WILL: DESTINIES AND
TERMS. 1923–1939. The SOLOVKI – M.: TSM PUBLISHING
HOUSE, 2014. – 232 s.**

M. V. Kail

The Smolensk State University, The Department of Russian History, *Smolensk, Russia*

At the review in a wide historical and cultural context the memorial edition – the collection of works of the A.A. Soshina is analyzed. The history of the Solovki camp of special function of 1923-1939 is considered in it against destinies of various categories of his prisoners. The factor of public memory of repressions on the Solovki and its influence on studying of the period is analyzed. Social and anthropological plans of research of the Solovki are submitted by the most productive.

Keywords: *history of repressions, Solovki camp of special function, historiography, GULAG, Solovki, Holy Transfiguration Monastery, A. A. Soshina.*

Об авторе:

КАИЛЬ Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Смоленский государственный университет, (Россия, 214000, Смоленск, ул. Пржевальского, 4, 2 уч.корп. каб. 2), e-mail: mvkail@mail.ru

About the author:

KAIL Maksim Vladimirovich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Department of History of Russia, The Smolensk State University, (Russia, 214000, Smolensk, Przhevalsky St., 4, of. 2), e-mail: mvkail@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.03.2015 г.